

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Е. А. АЛЕКСАНДРОВА заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор
- Е. В. АНДРИЕНКО заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. А. АХАЯН профессор кафедры педагогики школы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, Почетный работник сферы образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Н. К. ГАРБОВСКИЙ директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. С. ГОРШКОВ советник при ректорате, профессор кафедры управления и экономики образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. А. ДАРИНСКАЯ профессор кафедры психологии образования и педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. А. ЗАХАРИЩЕВА профессор кафедры педагогики и психологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики
- О. И. КОСТИКОВА заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, кандидат филологических наук, доцент
- Е. Б. КОСТЮК доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук
- А. А. МЕЛЬНИКОВА профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Л. М. МОСОЛОВА профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ
- С. Д. ПОЛЯКОВ профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор педагогических наук
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
- В. С. САЙГАНОВА декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент
- Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук
- К. И. ШАРАФАДИНА профессор кафедры журналистики и кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Как председатель Оргкомитета XXI Международных Лихачевских научных чтений приветствую участников секционного заседания.

Среди моих титулов есть один очень важный для меня — академик Российской академии образования. Возглавляет секцию 5 Лихачевских чтений мой руководитель по Отделению образования и культуры РАО, выдающийся переводчик Н. К. Гарбовский. Другим руководителем нашей секции является выдающийся петербургский культуролог Л. М. Мосолова, которой я восхищаюсь много лет. Рад приветствовать наших друзей из Беларуси, в частности еще одного руководителя секции — декана факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета В. С. Сайганову.

Отрадно, что в зале много знакомых лиц, людей, которых я очень почитаю. Например, присутствуют профессор Г. А. Праздников, один из ведущих петербургских философов и специалистов по эстетике, и А. С. Горшков, на протяжении ряда лет работавший заместителем председателя Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, и многие другие.

Лихачевские чтения имеют давнюю традицию. Первый раз Чтения, идея проведения которых принадлежит Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, состоялись в 1993 году. Когда в 1992 году СПбГУП предложил академику Лихачеву стать Почетным доктором, он посетил Университет и сказал знаменитые слова: «Чувствую себя сегодня в Университете XXI века. Если основная часть европейских университетов гордится своим прошлым, то мы должны гордиться своим будущим». Сегодня то будущее, о котором говорил Д. С. Лихачев, уже наступило.

Первоначально это научное мероприятие называлось «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов». После ухода Дмитрия Сергеевича из жизни мы с Почетным доктором СПбГУП Д. А. Граниным в 2001 году обратились к Президенту России В. В. Путину с предложением увековечить память Д. С. Лихачева. С того момента, как письмо поступило в Администрацию Президента, в течение трех дней был подготовлен и выпущен Указ от 23 мая 2001 года № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», в котором говорилось о ежегодном проведении Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных ко Дню славянской письменности и культуры. 24 мая — это еще и день рождения Университета. Академик Лихачев считал, что лучший способ праздновать что-либо в вузе — это заниматься наукой.

Сегодня Лихачевские чтения — крупнейший в мире ежегодный международный форум ученых-гуманитариев. За все время проведения в Лихачевских чтениях приняли участие представители 59 государств, более 1500 человек и было издано 5 тыс. докладов. Сегодняшние участники добавят новую страницу в историю Чтений.

Все Лихачевские чтения так или иначе посвящены проблеме диалога культур. По части образования в рамках диалога культур в России намечается инте-

ресная тенденция: мы начали отходить от копирования западного образования и образцов. В начале 1990-х годов основная идея реформирования образования в России и ряде постсоветских стран заключалась в копировании западного опыта. Я изначально выступал против этого, о чем неоднократно высказывался публично. Известно, как появилась двухуровневая система образования «бакалавр–магистр». Бакалавриат был придуман советниками президента Дж. Кеннеди, довольно образованными людьми. Когда американцы увидели, что СССР отправил человека в космос, то поняли, что невероятно отстали от нашего государства в сегменте массового образования. В то время США были невежественной страной, почти как Россия, в которую мы сейчас погружаемся. Сегодня необходимо остановиться это погружение и вернуться к тому лучшему, что было в советское время. Президент Кеннеди сформулировал национальную идею США — догнать Советский Союз в области образования. Но практичные американцы, проанализировав всеобщее пятилетнее высшее образование, которое требовало больших вложений, сделали доступными только четыре года. Пять лет всеобщего бесплатного образования богатая Америка не смогла осилить, в отличие от Советского Союза, потому что это дорого. Когда наша страна отказалась от собственной системы высшего образования и был принят ряд ущербных решений, это ознаменовало начало погружения в невежество. Нельзя без ущерба для образования исключить из учебных программ один год обучения, или 20 % материала.

Недавно В. В. Путин в Послании Федеральному собранию сказал, что необходимо, чтобы вузы и школы восстановили то ценное, что было в советском образовании. В Советском Союзе, что бы ни говорили отдельные чиновники, было лучшее в мире образование. Но не нужно отказываться и от того хорошего, что было сделано за последние 30 лет. Следует прекратить бросаться из крайности в крайность. Мы в Университете никогда не отказывались от того хорошего, что было в советском образовании.

Кроме того, В. В. Путин поставил задачу вернуть в сферу образования воспитание, но не такое, какое было в советское время и вызывало у многих отвращение, потому что навязывалась идеология и запрещалось свободомыслие.

Также необходимо вернуть в образование фундаментальность, которая сегодня во многом утрачена, о чем свидетельствует ЕГЭ. Фундаментальность образования предполагает, что человек, окончивший школу, имеет сформированную картину мира и знает основные факты в их взаимосвязи. Например, в СПбГУП экзамены сочетают устную часть с письменной, и чтобы получить пятерку, студент должен привести минимум три источника с разными точками зрения. Необходимо знать всю палитру мнений по любому вопросу и уметь обоснованно присоединиться к любому из них.

В том случае, когда формируется клиповое мышление, что нередко происходит сегодня, человек не может составить собственное мнение, и его легко сбить с пути. Самое главное — фундаментальность

советского образования предполагала знание фактов, законов природы и принципов развития в их взаимосвязи. При появлении новых фактов человек может сопоставить их с другими явлениями в рамках своей картины мира и определить им место в своей системе знаний. В отличие от человека с клиповым мышлением, образованный человек может понять, когда его обманывают, манипулируют им, потому что это не укладывается в его систему. В этом направлении Университет работает со студентами уже 30 лет. Буду рад, если наши гости поговорят об этом, а также о том, что их волнует.

Благодарю за участие и желаю успехов!

Н. К. ГАРБОВСКИЙ: — Уважаемые коллеги, начинаю работу нашей секции, посвященной вопросам современного российского образования. По сложившейся традиции Лихачевских чтений попытаемся заглянуть в будущее. У Черчиллю приписывают фразу, которая, на мой взгляд, может метафорически охарактеризовать наши рассуждения об образовании: «Генералы всегда готовятся к прошлой войне». Говоря об образовании, мы — те, кто занимается образованием и должен образовывать, — часто забываем о том, что сегодня, опираясь на опыт вчерашнего дня, мы готовим для завтрашнего дня тех, кто вступит в профессиональную жизнь через 4–6 лет. Каким будет это будущее, можно только предполагать. Но для того, чтобы наши предположения были более или менее точными, необходимо сконцентрироваться на предшествующем опыте.

Сегодня образование в очередной раз (уже не первый) в нашей истории переживает реформирование, точнее сказать, находится на пороге разлома. Реформы, о которых идет речь, предполагают не плавный переход от одной системы к другой, а довольно резкое изменение образовательной стратегии и всего образовательного контекста в рамках социальной деятельности нашей страны. На первый взгляд кажется, что это чисто технический вопрос: перейти от двухуровневой системы к системе подготовки специалистов. У нас имеется довольно большой опыт подготовки специалистов, мы знаем все плюсы и минусы этой и двухуровневой системы образования. И кажется, что все должно произойти так, как задумано. Но в данном случае следует говорить не только о техническом переходе.

Прежде всего речь идет о содержании образования. Чем должно быть наполнено современное образование? Сейчас в сфере гуманитарного образования этот вопрос встал особенно остро. Каждый день из средств массовой информации мы слышим о наступлении искусственного интеллекта. Высшая аттестационная комиссия сегодня обеспокоена тем, что для искусственного интеллекта уже не составляет труда подготовить автореферат кандидатской или докторской диссертации. И отличить, написан этот автореферат соискателем или искусственным интеллектом, довольно сложно. Я уже не говорю об аттестационных, квалификационных работах более низкого уровня — магистерских диссертациях, дипломах специалистов, выпускных квалификационных работах бакалавров и т. д.

Текст, созданный искусственным интеллектом, дает только отсылку к прошлому, к тому, что было. Необходимо позаботиться о том, чтобы подрастающее поколение, которое мы должны сформировать для будущего общества России, не удовлетворялось этим довольно простым ходом, изменяющим весь ход мыслей, а главное — трансформирующим ценностный подход. Поэтому сегодня ценности и содержание образования станут одними из важных тем обсуждения.

Я желаю всем присутствующим успехов и хороших впечатлений от обмена мнениями. Уверен, каждому выступающему, основываясь на богатом педагогическом опыте, есть что сказать: педагогический опыт порождает размышления и новые идеи. Предлагаю высказывать свои соображения по разным аспектам обшей темы — образования, обсудить его проблемы и будущее, чтобы мы могли получить новый багаж знаний и представлений.

Слово предоставляется профессору Любви Михайловне Мосоловой.

Л. М. МОСОЛОВА: — Рада приветствовать всех заинтересованных в развитии образования. Я понимаю образование как способ воспроизводства, трансляции, развития культуры нации и каждого человека с позиции культурологии. Культура охватывает все, что создал человек: и материально-технические системы, и социокультурную среду, и самого человека, и идейно-нравственные ценности, и в целом ментальность. Культурология — наука, которая рассматривает культуру в целом, а не отдельные ее стороны, поэтому ее метод познания — генерализирующий, когда за деревьями, если говорить метафорически, виден лес. Каждое явление рассматривается в контексте этого леса, то есть всей культуры.

Сегодня многое делается для образования и воспитания. Например, С. Кириенко реализует множество проектов, проводит большое количество фестивалей и мероприятий, способствующих освоению разнообразного мира культуры и выработке различных способов деятельности. Это хорошо, но все-таки главное — это систематическое, целенаправленное школьное и профессиональное вузовское образование.

Российское образование сегодня находится в центре всеобщего внимания — от родителей до СМИ и депутатов Государственной Думы. Много внимания образованию уделяется в политических ток-шоу, например в передаче «Большая игра», где ведущий В. Никонов рассуждает о путях реформирования системы образования.

Тема нашей секции предполагает обсуждение того, что необходимо сегодня для образования, а что вызывает критику. Критикуется спонтанное реформирование нашего образования. Образование неоллиберального (с позиции идеологии) постмодерна нанесло вред, отменив классическую науку, культуру, искусство, так же как и Болонский процесс с компетентностным подходом. Как сказал один из патриархов отечественной культурологии Э. С. Маркарян, Болонская система была направлена на ментальное разоружение, потому что компетентностный подход — набор компе-

тенций, который придумал Запад, — ориентирован на формирование специфического социального актора, действовавшего в интересах Евро-Атлантики. Мы доверчиво отнеслись к Болонскому процессу и ЕГЭ, которые формируют адаптивно-аналоговую систему мышления. Эта система не порождает смыслообразования, не предполагает понимания целей, задач и содержания образования. С этой точки зрения сегодня весьма критикуется как сам Болонский процесс, так и реформирование российского образования. Оно характеризовалось то как неолиберальное, то как консервативное, эклектическое. И такое смешение ничего хорошего в итоге не дало.

Прежде всего критикуется отказ от классического наследия, высоких нравственных идеалов, которые присутствуют в образовании. Болонский процесс формировал социальных акторов, поэтому так много внимания уделялось практикоориентированности. Меня удивляли стандарты, спускаемые из Министерства культуры, где на подготовку по истории культуры или художественной культуре отводилось 10 лекционных часов (всего пять лекций) и 40 часов практических занятий в семестр. Вряд ли студенты за один семестр освоят то, что лектор смог освоить за всю свою жизнь и представить студентам в концентрированном виде.

Мне кажется, что ошибка кроется в реализации, в том, что учебные планы и стандарты формируются спонтанно. Меня поражают циркуляры, в которых заранее устанавливаются, какие компоненты должны быть модульными, а какие — немодульными. Считаю правильным решение отказаться от бакалавриата и магистратуры. Бакалавриат не дает возможности получить полноценное образование, магистратура часто оказывается профанацией (например, когда студент с факультета физического воспитания хочет за два года освоить искусствоведение).

Также хотела бы рассказать о том, как изучается культура России. Когда я начинаю читать курс, посвященный культуре в контексте Евразии и культуре народов России, то задаю студентам вопрос: какие народы России им известны (место их проживания, культурное наследие и пр.)? Последние три года ребята демонстрируют полное незнание по этому вопросу, а тем более по вопросу о евразийских корнях России. На вопрос: «Кто живет в Сибири?» отвечают: «Азербайджанцы» и пр. Поэтому я отправляю их в этнографический музей, чтобы они хотя бы имели представление об этом. Печально само небрежение к народам, проживающим в России.

В. В. Путин сказал о том, что российская цивилизация — самобытная, она составляет ядро Евразии. Нужно изучать не просто Россию, а в контексте евразийской цивилизации и под этим углом зрения менять образовательные программы в школе и вузе. Я посмотрела в учебнике «История России с древнейших времен до наших дней» под редакцией академика А. Н. Сахарова на предмет, присутствуют ли там народы России как субъекты общего исторического прошлого. В самом начале на двух страницах говорится о том, что славяне в древности взаимодействовали с готами, соседствовали с киммерийцами и прочими древними наро-

дами. И на этом всё. Оказывается, у нас вообще нет древней истории, а древней объявлена средневековая история. Но это абсурдно. Другие народы в историческом процессе России появляются в эпоху Средневековья, в XII веке, когда татаро-монголы напали на Русь. Что до этого происходило на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, какие народы там жили, чем занимались, какое культурное наследие оставили — об этом ничего не сказано.

Сегмент программы национальной, региональной истории разрабатывают республики. Но эти программы созданы на уровне описательного этнографизма, в них отсутствует серьезный анализ историко-культурных процессов, которые дают возможность объединять народы, видеть их развитие в общем историческом русле, а не как нечто дополнительное.

Что нужно делать? Мне кажется, необходимо начать изучение подлинной целостной истории и культуры России. В советское время, когда я училась в школе в 1960-е годы, мы изучали народы и их культуру. Я, например, знала, что в Средней Азии жили великие философы Ибн Рушд и Авиценна, замечательные писатели Фирдоуси, Омар Хайям, Руми и т. д.

Сегодня нужно уделить пристальное внимание евразийским корням и евразийской истории, показать, какие коллективные субъекты развивали нашу цивилизацию (первые индоевропейцы, продвигавшиеся с запада на восток, принесли туда рудознательство, опыт кочевого хозяйствования и пр.). Необходимо изучать и скифский период нашей истории, какую роль сыграли скифы (кроме известной триады: скифский звериный стиль, вооружение, конская упряжь) в становлении Евразии в эпоху Средневековья. Мне представляется необходимым восстановление целостной истории России.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — В выступлениях уважаемых руководителей нашей секции и Александра Сергеевича Запесоцкого были намечены основные темы — это образование и российская культура, которая состоит из разных национальных культур, смыслы и ценности образования и направления его реформирования.

Предлагаю выступить профессору Георгию Александровичу Праздникову.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — В названии своего доклада «Вернуть образованию человекообразующий смысл» мне хочется поставить в конце восклицательный знак. Действительно, предстоит сделать много нового, но в значительной степени это новое должно быть возвращением и осмыслением того, что уже было сформулировано.

Во второй половине XX века сформировалась новая для педагогики и философии наука — философия образования, в рамках которой образование впервые было глубоко осмыслено не как профессиональная, отраслевая, семейная деятельность, а как важнейший базовый процесс истории и культуры. Постепенно этот смысл стал утрачиваться.

Александр Сергеевич сказал об исчезновении воспитания из сферы образования. В первой редакции российского закона «Об образовании» образование опре-

делялось как единство обучения и воспитания, а во второй редакции эти слова поменяли местами — образование как единство воспитания и обучения. Во всех последующих государственных документах сохранился такой порядок слов. Слово «образование» происходит от старославянского слова «образить» — сформировать лик. Это не калька с английского Education и немецкого Bildung. Образовательный процесс в нашей стране ориентирован на развитие человеческого в человеке, в нашем Отечестве изначально было осмысление образования.

Хотел бы сделать комплимент книге А. С. Запесоцкого «Методологические и технологические основы образовательной деятельности», которая вышла в свет много лет назад. Достаточно посмотреть оглавление, в котором есть параграф «Образование как проблемно-экзистенциальная модель человеческого бытия», и понять, что это одна из серьезных обобщающих работ об образовании. К такому осмыслению образования, как мне кажется, надо возвращаться.

Что касается Болонской системы, то во многом она навредила российскому образованию. Все документы по Болонскому процессу (а это именно процесс, потому что каждый год появлялись новые документы) не направляли наше образование. Я помню, как учебно-методические объединения медицинских институтов требовали заменить курс всеобщей истории историей медицины, экономисты — историей денег. Ректор Московского юридического института был возмущен фактом обилия на юридическом факультете ненужных дисциплин: они вынуждены преподавать философию вместо юридического образования. Исключены, а не просто выпали из учебных планов художественно-творческих вузов этика и эстетика. Известный культуролог, в то время директор Нового института культурологии К. Э. Разлогов писал, что это справедливо, так как эти дисциплины имеют дело с нормами, а нормы для современной культуры нехарактерны.

Хочу воспользоваться трибуной, чтобы озвучить следующее положение. В последние годы советской власти на уровне Политбюро ЦК возникла блестящая идея — создать единую комплексную программу эстетического воспитания населения Советского Союза. Я входил в состав редколлегии этой программы. Над ее созданием работала вся страна: Прибалтика, Закавказье, московские Институт философии и Академия педагогических наук. Программа предполагала системный воспитательный процесс — от ясельного до взрослого возраста — и практически была создана, но произошло крушение Советского Союза и о ней забыли.

Очень многие явления сегодня, например Интернет, нуждаются в осмыслении. В 2007 году в Общественной палате РФ обсуждался вопрос о российской культуре. Я написал параграф для доклада, который представлял народный артист А. А. Калягин, где рассказал об этой программе и о том, что она готова и ее можно использовать. А через день в газете «Культура» появилась статья, в которой была такая фраза: «До чего мы дошли? Нам предлагают вернуться к советскому опыту». Мне кажется, необходимо вернуться к тому, что стало фундаментальным. Сегодня Александр Сергее-

вич говорил о фундаментализации образования, которая предполагает реализацию его человекообразующего потенциала.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Доклад следующего участника позволяет перейти от проблематизации к наметившимся направлениям развития. Слово предоставляется профессору Александру Сергеевичу Горшкову.

А. С. ГОРШКОВ: — Я представляю Санкт-Петербургскую академию постдипломного педагогического образования, которая работает с учителями и руководителями образовательных организаций нашего города. В сферу моих профессиональных научных интересов входят вопросы теории управления и функционирования системы образования.

Тема моего доклада — «Формирование суверенной системы образования России». Понятие суверенной системы образования ввел министр просвещения Российской Федерации С. С. Кравцов. Чтобы наша страна развивалась, несмотря на ограничения и санкции, нам нужна суверенная система образования. Каковы векторы ее развития и в чем заключается ее значение? Единое образовательное пространство — это прежде всего программы, которые утверждаются на федеральном уровне и по которым работают учителя в школах; проверенные и методически выверенные учебники, которые разрабатываются на федеральном уровне; единое воспитательное пространство (программа воспитания, традиционные ценности и пр.).

Создание условий для формирования суверенной системы образования должно начинаться с укрепления единства образовательного пространства. В связи с этим с 1 сентября 2023 года на уровне общего образования вводятся федеральные основные общеобразовательные программы. При реализации федеральных основных общеобразовательных программ предполагается, что по ряду предметов должны быть подготовлены безальтернативные учебники и преподавание по этим предметам тоже будет безальтернативным. На уровне начального общего образования это такие предметы, как «Русский язык», «Литературное чтение» и «Окружающий мир». Отклонение от содержания федеральных основных общеобразовательных программ недопустимо, при разработке собственных образовательных программ каждое образовательное учреждение должно строго следовать содержанию федеральных основных общеобразовательных программ. На уровне основного и среднего общего образования должны применяться федеральные рабочие программы по таким учебным предметам, как «Русский язык», «Литература», «История», «Обществознание», «География» и «Основы безопасности жизнедеятельности». Некоторые отступления и вариации возможны в преподавании других предметов, но по вышеперечисленным предметам никакие отклонения от рабочих программ, утвержденных на федеральном уровне, недопустимы.

Укрепление единства образовательного пространства — это простая и понятная задача. Условием формирования суверенной образовательной системы яв-

ляется обеспечение экономической независимости системы образования. Все, о чем я сейчас буду говорить, наверное, нехарактерно для вашего Университета, но в целом для системы образования Российской Федерации — безусловно. Экономическая независимость системы образования может быть достигнута за счет роста бюджетного финансирования, позволяющего поддерживать высокий социальный статус педагогов, учителей, воспитателей, преподавателей высшей школы, учебно-методическую базу, информационное обеспечение, передовую материально-техническую базу образования.

Сегодня можно констатировать, что у нас не обеспечен достойный социальный статус педагога. Еще в 2012 году Президент РФ поручил правительству и регионам обеспечить повышение заработной платы учителей. Все регионы рапортовали об успешной реализации поручения президента к 2018 году. Но на самом деле эта цель не достигнута, особенно сильное расхождение в соотношении средней заработной платы учителей и остальных трудящихся наблюдается в Центральном федеральном округе. Даже неуместно говорить о том, чтобы всех учителей и преподавателей приравнять к среднестатистическому работнику. Педагог — не среднестатистический человек. Безусловно, нужно повышать социальный статус педагога, главным образом за счет повышения заработной платы.

Следствием бюджетного недофинансирования стало возникновение в системе образования возрастного и гендерного дисбаланса. В школе работают 88 % женщин и 12 % мужчин-педагогов. К сожалению, аналогичная тенденция наблюдается и в системе высшего образования. Преподавателей вузов в Российской Федерации — 218 тыс., из них в 2022 году женщины составляли 58 %. В 1990 году отмечалась другая пропорция: 70 % преподавателей-мужчин, 30 % — женщин, что было обусловлено удовлетворением научных интересов. А сегодня профессия преподавателя высшей школы становится непрестижной, молодежь не идет в науку и образование.

Хотел бы также отметить сложную ситуацию, возникшую в сфере науки. По словам председателя Сибирского отделения РАН В. Н. Пармона, за пять лет мы потеряли 50 тыс. ученых. Чтобы восполнить утраченные ресурсы, требуется, по его мнению, трехкратное увеличение бюджетного финансирования. Очевидно, что аналогичная ситуация сложилась и в системе высшего образования, где тоже наблюдается дефицит бюджетного финансирования и необходимо его увеличение.

Несколько слов о предполагаемой реформе высшего образования. Указом Президента РФ инициирован пилотный проект совершенствования системы высшего образования. Шести ведущим университетам Российской Федерации (среди них — Горный университет) в предстоящих учебных годах (2023/24 и 2024/25) нужно апробировать новую — двухуровневую — систему высшего образования. В настоящее время по закону высшее образование в России имеет трехуровневую структуру. Двухуровневая система предполагает базовое (от 4 до 6 лет) и специализированное высшее

образование. Базовое образование — как было в Советском Союзе, специализированное — программа магистратуры, бакалавриат отсутствует. Мы изначально были не согласны с бакалавриатом, потому что квалификация «бакалавр» не отражает сферу практической деятельности. То есть бакалавр из новой системы убирается, магистратура сохраняется, аспирантура переводится из высшего образования на уровень профессионального образования.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Андрею Андреевичу Ахаяну.

А. А. АХАЯН: — Наша Лаборатория педагогических проблем применения интернет-технологий в образовании, являющаяся структурным подразделением Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, занимается проблемами виртуального пространства и образованием в этом пространстве, а также проблемами сетевой педагогики. Но я хотел бы поговорить о модернизации и трансформации отечественного образования, что представляется мне особенно важным.

На мой взгляд, педагогика как наука отвечает не на все вопросы, которые ей хотелось бы задать. Вопрос о том, кого и как учить и воспитывать, разбивается на два вопроса: что должно получиться в результате и как это сделать? Педагогика отвечает на вопрос: как учить? А вот что должно получиться — это вопрос не к педагогике, а к тем, кто занимается целеполаганием конечного процесса.

Сегодня мы являемся свидетелями обострившейся борьбы двух идей, каждая из которых пытается претендовать на то, чтобы стать доминирующей. Что победит — культ потребления или культ созидания? В зависимости от ответа на этот вопрос выстраивается система обучения и воспитания. Одно дело, когда мы рассматриваем образование как услугу, а целью образования является подготовка квалифицированного потребителя, целью специального образования — подготовка конкурентоспособного профессионала на рынке услуг. А если мы собираемся готовить гражданина и специалиста, для которого счастье состоит в том, чтобы созидать, приносить пользу и только потом потреблять, — это вопрос уже не к педагогам.

Итак, культ потребления или культ созидания, образование — это услуга или миссия? Ответ на этот вопрос важен, потому что доминирующая система взглядов в обществе диктует цели системы образования, а система образования — конечный результат, то есть систему взглядов тех, кто учится в школе и вузах.

Но прежде, чем говорить об образовании, надо понимать, что происходит с личностью. Сегодня используется понятие «сетевая личность», которое имеет разные трактовки. Без определения этого понятия невозможно сделать выводы о том, что с ней делать, как ее образовывать, воспитывать и пр. Нам представляется оптимальной следующая трактовка. У каждого человека есть потребности, среди которых выделяются две врожденные, важные для нашего разговора, — потребность взаимодействовать с себе подобными и потреб-

ность узнавать новое, то есть коммуникативная и гносеологическая потребности.

Когда возникает конкретная потребность, познавательная или гносеологическая (мы хотим с кем-то поговорить или узнать, сколько стоит билет до Владивостока), в определенный момент она достигает максимума, а потом угасает (не могу же я всю жизнь думать о том, сколько стоит билет до Владивостока). Затем возникает другая потребность, третья и т. д.

Вид кривой универсален, можно спорить лишь о полуширине пика интересов, когда потребность является актуальной (T1). Это не годы, не месяцы и даже не дни, а секунды или минуты. Еще один порог — это время (T2), в течение которого эту потребность можно удовлетворить. Для людей, которые родились в XX веке, порог T2 всегда значительно больше, чем порог T1, если под T1 понимать полуширину пика, в течение которого потребность коммуницировать или узнать что-либо является актуальной. А для человека, который родился после миллениума, за счет гаджета в кармане и Google T2 становится меньше, чем порог T1. Он воспринимает это неравенство как естественный закон жизни. И если вы нарушаете этот закон, то он считает это ограничением его прав, то есть у него развивается новая — дополнительная — ценность, которой не было у предыдущего поколения. Эта ценность заключается в праве и возможности удовлетворять свои гносеологическую и коммуникативную потребности в пределах того времени, которое мы называем пиком интересов. Это означает увеличение количества ценностей, а если к системе ценностей добавить одну дополнительную ценность, то возникает другая личность. Мы называем ее сетевой потому, что ее происхождение порождено наличием Глобальной сети.

Для такой личности нужно искать новые образовательные пространства, прежде всего виртуальные. Эти выдуманные пространства бывают одно-, двух- и трехмерными. Одномерное пространство — это червяк или метро. Когда вы едете в метро, у вас не возникает желания, чтобы поезд свернул с пути. В одномерном пространстве нет вариативности и многовекторности. В двумерном пространстве — лист бумаги, экран компьютера — появляются такие понятия и ряд других. В последнее время появились трехмерные пространства, которые напоминают нашу действительность.

Создание образовательной среды в трехмерном пространстве — то, чем занимается лаборатория, которую я представляю. И поскольку мы пытаемся создать пространство, которое было бы узнаваемо и продолжало реальное пространство, чтобы обозначить это обстоятельство, мы называем его параллельным. Главная задача состоит в том, чтобы создать в таком параллельном пространстве образовательную среду. Расстановка приоритетов в параллельном пространстве состоит в следующем. Мы не пытаемся создать или расширить субъектную базу, нас не интересуют боты, аватары и т. д. Мы хотим расширить пространство для реальных субъектов. Именно это, судя по опыту, который у нас имеется, ценится реальными людьми.

Е. Б. КОСТЮК: — Андрей Андреевич, Вы поляризовали культ потребления и культ созидания. А как можно представить их сочетание? Мы идеализируем советскую систему, которая строила светлое будущее, идеал, мечту без расчета на вознаграждение, но не следует забывать о том, что она обусловила кризис 1990-х годов. С началом новой эпохи возобладал культ потребления, и все начали материально обустроить свою жизнь. Как в системе образования можно взрастить человека, который может, с одной стороны, зарабатывать, а с другой — мечтать.

А. А. АХАЯН: — Я озвучу крамольную мысль: такое сочетание реализовано, с моей точки зрения, в системе образования Соединенных Штатов Америки. В США 5 % населения получают хорошее образование, а остальные 95 % — образование, которое в России последние 30 лет получали 100 %. В США понимают, что в любом случае нужно готовить 5 % населения к тому, чтобы они работали без расчета на вознаграждение, но таких людей не должно быть слишком много. То есть общество потребления — для тех 95 %, чтобы они не задумывались над той работой, которую можно делать, не рассчитывая на вознаграждение.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Многие из тех, кто говорит о советском строе, имеют иллюзорное представление о том, что это такое. Если вернуться к системе образования, то можно вспомнить о том, что в советское время школьный учитель, не имея материальной поддержки, ездил со своими учениками в турпоездки, например в Прибалтику. Это нужно было для формирования коллектива. Мы жили в палатках, и за месяц объехали всю Прибалтику. Другой учитель, также не имея материального обеспечения, свозил нас в весенние каникулы в Новгород и Псков.

Вы сказали, что созидание — это идеал. Нет, созидание — это деятельность, то, ради чего человек пришел в этот мир. Созидать и творить — это не мечта, а предназначение человека. О том, что мир дуален, говорят все религии. Невозможно соединить несоединимое.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется декану Белорусского государственного университета Веронике Святославовне Сайгановой.

В. С. САЙГАНОВА: — Факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета, который я представляю, — единственное в Беларуси учреждение, которое готовит профессиональных философов. Поэтому я сегодня хотела бы поговорить о том, что мне близко и понятно, — о социально-гуманитарном образовании. Тема моего доклада касается возможностей интеграции социально-гуманитарного образования Беларуси и России.

Выступающие на секционном заседании уже озвучили проблемы и кризисные явления, с которыми столкнулось современное образование, в том числе социально-гуманитарное. Уже несколько десятилетий в этой области постулируется кризис, вызванный раз-

личными факторами. По сути, образование сталкивается с информационными, глобализационными и цивилизационными вызовами.

К информационным можно отнести девальвацию не только смыслов, но и информации, девальвацию самого образования. Сейчас нередко вместо слова «образование» употребляется словосочетание «образовательный контент», которое девальвирует смысл такого уникального феномена культуры, как образование.

Можно говорить и о трансформации коммуникации как информационном вызове. Философия, культура и педагогика долгие столетия проходили путь от субъектно-объектной дихотомии к субъект-субъектным отношениям. Сегодня, в эпоху постписьменного образования, мы говорим о субъектно-объектных отношениях в сфере образования. Только здесь объект будет опосредовать коммуникацию между субъектами. Постписьменное образование девальвировало не только информацию, но и саму личность преподавателя.

Еще один вызов — искусственный интеллект, о котором здесь также говорилось. Сегодня он пишет диссертации, уже продаются книги, написанные с помощью искусственного интеллекта.

Глобализационные процессы привели к кризису образования. Болонская система предложила модульную систему и систему менеджмента качества. В Беларуси после того, как наша страна присоединилась к Болонскому процессу, помимо вузов и факультетов, стали появляться специализированные институты, занимающиеся менеджментом качества образования. Качество образования в белорусских вузах проверяет внешний аудит, состоящий из не сотрудников учреждения образования. Усовершенствуется система контроля качества, но при этом само качество образования падает. С этим парадоксом сталкиваются вузы не только в Беларуси.

В результате Болонского процесса, модульной системы и перехода на четырехлетнее обучение социально-гуманитарные дисциплины стали исключаться из учебных планов, а модульный формат значительно сократил объем учебной нагрузки в социально-гуманитарном блоке. В результате процесса коммерциализации мы превратили образование в услугу. Раз и навсегда покончило с социально-гуманитарным блоком сокращение срока образования с пятилетнего до четырехлетнего, которое произошло за счет того, что социально-гуманитарное образование было принесено в жертву.

Но одновременно в условиях социально-политической турбулентности вузы и вообще система высшего образования возлагают особые надежды на социально-гуманитарное образование. С одной стороны, мы им пожертвовали, а с другой — возложили на него определенные ожидания. Мы должны сформировать личность и гражданина, опираясь в том числе на то, какие дисциплины и в каком объеме преподаются в вузах.

Хотела бы поделиться опытом развития белорусской системы высшего образования и рассказать о том, какие реформы мы проводили и какие меры принимали. Как освободить социально-гуманитарное образование из прокрустового ложа, в котором оно ока-

залось в последние годы? Озвучу некоторые цифры. Общеобразовательная дисциплина «Философия» читается в вузах на первом или втором курсе как обязательная наряду с «Историей России». Раньше «Философия» преподавалась в вузах в объеме 72 академических часов. Наравне с ней преподавались такие дисциплины, как «Этика и эстетика», «Культурология», «Логика», «Всемирная история», «История Беларуси», «Социология» и пр. После присоединения к Болонскому процессу белорусские вузы перешли на модульную систему. В один модуль вошли «Философия», «Психология» и «Педагогика», где на каждую дисциплину было выделено 22 часа (11 лекций). Всего 11 лекций на «Философию», история которой начитывается более 2,5 тыс. лет, «Педагогику» и «Психологию», студент сдавал один экзамен по трем дисциплинам. То же самое произошло и с «Социологией», которая оказалась в одном модуле с «Экономикой», историю тоже сократили.

После введения модульной системы наступил 2020 год, когда наши вузы в частности и система образования в целом столкнулись с новыми вызовами. Профессор Кирмель, выступая на одном из совещаний по вопросу социально-гуманитарного образования, заявил, что в 2020 году с молодежи была снята защитная каска в виде социально-гуманитарных дисциплин и она оказалась раненной в голову, ранили ее мы — тем, что обезоружили.

Республика Беларусь ищет выход из создавшегося положения. С 1 сентября 2022 года на государственном уровне реализуется Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. Согласно этой концепции в учебных планах всех высших учебных заведений страны на первом курсе обязательными считаются три дисциплины (в объеме 54 аудиторных часов): «Философия», «История белорусской государственности» (вместо «Истории Беларуси» и «Всемирной истории») и «Современная политэкономика». Это необходимо для того, чтобы сформировать мировоззренческую, гражданскую и социально-экономическую позиции выпускников. Остался вариативный компонент, который определяется по выбору учреждения высшего образования и студентов, — дополнительно можно выбрать три дисциплины (на выбор предложены «Социология», «Основы права», «Политология», «История Великой Отечественной войны» в качестве усиления идеологического и исторического блоков и «Социальная психология»). В итоге студенты всех специальностей изучают шесть дисциплин гуманитарного профиля.

Если вы сочтете возможным, то можете воспользоваться опытом реформирования белорусской системы высшего образования, который далеко не безоблачен и неидеален, но взаимообогащает. В силу того что после 2022 года дружеские отношения между Россией и Беларусью уже ни у кого не вызывают сомнений (не только содружеские, но и сопричастные друг другу исторические, экономические, социально-политические и культурные связи), можно воспользоваться нашим опытом. А мы рассмотрим российский опыт,

чтобы в системе социально-гуманитарного образования продвигать идеи национального самосознания России и Беларуси, общего исторического пути и традиционных ценностей, единых социально-политических и экономических интересов. Общее между нашими странами касается и исторической правды, в том числе о победе в Великой Отечественной войне. То есть в социально-гуманитарном образовании должны присутствовать гражданско-патриотический блок, отражающий связь между культурой и государством, и усиленный мировоззренческий компонент.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется заместителю директора Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова Ольге Игоревне Костиковой. Возвращаемся к вопросу ценностей, потому что он является фундаментальным для понимания, куда нам двигаться. Чему мы отдаем приоритет — ценностям потребления или ценностям творчества? От этого зависит, каких граждан мы воспитаем и в каком направлении будет развиваться наша страна.

О. И. КОСТИКОВА: — Напомню слова Любови Михайловны о том, что задачи образования — приобщение индивида к достижениям человеческой цивилизации, ретрансляция и сохранение ее культурного достояния. В этом важном деле на протяжении всей истории человечества важную роль играл перевод, потому что переводчики всегда выполняли культуротворческую функцию. Они развивали языки, распространяли знания, переносили достижения из одной цивилизации в другую, знакомили нас с чужим, делая это чужое своим.

Культуротворческая задача перевода направлена вовне, на культуру. Но поскольку мы сегодня говорим об образовании, интересно задуматься о том, что перевод может дать самому индивиду. И выясняется, что роль переводческой деятельности, обучения переводу как инструмента саморазвития личности сложно переоценить.

Преподавателям Высшей школы перевода с самого начала внедрения двухуровневой Болонской системы стало понятно, что она совершенно не годится для того, чтобы воспитывать переводчика как творческую личность. За четыре года невозможно научить человека вдумчиво переводить, выявляя все тонкости текста любого жанра, поэтому у нас программа переводчика рассчитана на шесть лет. Мы воспитываем личность с открытым кругозором, которая думает и чувствует, умеет творить и созидать. Человека, который не скажет, выйдя после университета: я научился всему. Нет, он будет продолжать учиться, всю жизнь заниматься самообразованием. Именно на это нацелено обучение в нашем вузе. Наши студенты понимают, что приобретение знаний и развитие навыков не может остановиться в какой-то определенной точке — этот процесс бесконечен.

Говоря о системе образования в целом, следует подумать, каким должно быть обучение иностранным языкам. Сегодня это обязательная часть программ школьного и вузовского образования, но в нашем со-

знании прочно укоренилось стереотипное представление, что если ты знаешь язык, то умеешь и переводить. Правда, наши студенты понимают, что, освоив иностранный язык, они еще далеко не сформировались как переводчики. Казалось бы, парадоксальное требование: переводчик должен знать не только иностранный язык, но и родной. Но одна из реальных проблем перевода заключается в том, что правильно и красиво сформулировать мысль на родном языке умеет далеко не каждый. Не все переводчики, известные как лучшие в своей профессии, знали языки, с которых они переводили. Они часто пользовались подстрочными вариантами (которые сегодня нам вполне может предложить машина), но, прекрасно владея родным языком, они могли передать идею, которая была заложена в иностранном тексте, передав настроение, глубинный смысл, самый дух оригинального творения. Поэтому обучать иностранным языкам необходимо (здесь я полностью согласна с Николаем Константиновичем) не только по распространенной сегодня коммуникативной методике. Освоение языка должно происходить через преодоление, через текст и перевод этого текста, как это было всегда. Так обучали не только в советский период, а испокон веков, начиная с Античности. Язык учили. Вспомните, ведь древние могли знать пять-десять языков, переводить и передавать знания, выбирая из них то, что в данный момент нужно их обществу, их культуре.

Известно, что содержание и цели образования зависят от традиций, целей и приоритетов общества. От этих же факторов зависит, чего общество ждет от перевода и как оно будет его воспринимать. Если нам будет достаточно простой передачи информации, то с этим отлично справится искусственный интеллект, а профессия переводчика исчезнет. Но мы должны понимать, что хороший перевод создает добавленную ценность, а на это способен только человек — с его глубокими знаниями, опытом, высоким уровнем духовного развития.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Изучая иностранный язык, вы не только получаете способ общаться с людьми из других стран, но и проникаете в другую культуру. А задача переводчика, по сути, вписать свою культуру в другой мир.

Сейчас перед нами выступит профессор Елена Васильевна Андриенко.

Е. В. АНДРИЕНКО: — Если почитать работы наших коллег из других стран — преподавателей зарубежных университетов, то мы увидим, что проблемы высшего образования у нас с ними во многом схожие. Все мы вынуждены реагировать на мировые тенденции, которые вступили в конфликт, — глобализации и деглобализации. Мы живем в едином информационном пространстве, пользуемся Интернетом и социальными сетями, значит, глобализация продолжается. В то же время в условиях наступившего социокультурного кризиса происходит локализация экономических, социальных, политических и образовательных интересов.

Вместе с тем проблемы именно российской высшей школы во многом связаны с государственной образовательной политикой. Первая проблема — нормативно-правовое регулирование. Мы живем в централизованном государстве, поэтому все нормативно-правовые документы являются обязательными для учебных заведений (том числе частных) во всех регионах. Но регламентация нашей работы, на мой взгляд, излишне детальная, что создает большие затруднения как для вузовских, так и для школьных преподавателей. Документооборот становится очень объемным и формализованным, но каждый год добавляются новые распоряжения, которые мы должны выполнять, и справки, которые мы должны предоставлять.

Когда мы переходили на Болонскую систему, многие преподаватели системы высшего образования возражали, просили оставить специалитет и прежние стандарты, которые хорошо работали много лет. Но их вынудили перейти на новую систему. Теперь мы собираемся двигаться в обратном направлении. Возможно, это верное решение, но нас ожидает разработка новых образовательных программ и кипы новых документов. Эта работа отнимает огромное количество времени. Все же нормативно-правовая регламентация российского высшего образования представляется чрезмерной и нерациональной.

Вторая проблема, которая является следствием первой, — неизбежная формализация. Когда выпускник бакалавриата или магистратуры защищает квалификационную работу, мы пишем рецензию и оцениваем его компетенции, сформированные за годы обучения. Перечень компетенций огромен, и проверить все их должным образом просто невозможно. Конечно, мы знаем своих студентов и можем выставить адекватные оценки. Но для чего этот список компетенций? Мы вынуждены подходить формально к данному требованию, но это опять же требует немалых затрат времени.

Третья проблема — основные образовательные программы, которые на сегодняшний день абсолютизированы. Мы всегда практиковали личностно-деятельностный подход, обращая внимание на личность и преподавателя, и обучающегося. Сегодня принято считать, что качество высшего образования зависит от основной образовательной программы, при этом не имеет значения, кто будет по ней преподавать. Мы бесконечно пишем и переписываем эти программы. Абсолютизация основных образовательных программ и тезиса, что их качество на сто процентов определяет качество полученного образования, — это неправильно. Безусловно, такие программы нужны, и они должны быть проработаны должным образом и вовремя обновляться. Но личность преподавателя, научная школа в конце концов — эти факторы во все времена имели очень большое значение. Мы все помним преподавателей, которые в свое время читали нам лекции, и понимаем, как много зависит от них.

Четвертая проблема — недооценка гуманитарного образования. Инженеры очень нужны экономике, особенно в эпоху научно-технического прогресса, но нельзя забывать и о гуманитарных профессиях, которые,

например, в Сибири получить просто негде. Гуманитарный факультет у нас большая редкость.

Мы все помним, что российское богатство будет прирастать Сибирью. И знаем, что в трудные времена именно Сибирь выручала Россию. Во время Великой Отечественной войны многие предприятия были с европейской территории эвакуированы в Сибирь, где продолжали работать, обеспечивая жизнедеятельность страны. Вообще в XX веке Сибирь развивалась опережающими темпами, наращивая свою экономику во много раз быстрее, чем европейская часть России. И это притом, что численность населения там намного меньше.

Что сегодня нужно России? Ответ несложный. Во-первых, современные технологии и инновации. Во-вторых, сохранение традиционных ценностей. Мой любимый тезис относительно будущего такой: без инноваций мы отстанем, без традиций погибнем.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Новосибирск всегда отличался мощной научной школой. Тот, кто имел возможность посетить Новосибирский университет, видел на его стенах портреты ученых, которые там работали, эти люди двигали российскую науку вперед.

Приглашаю к микрофону доктора социологических наук Галину Анатольевну Чередниченко.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Социология образования — это область социологии, изучающая образование как социальный институт. Мы пытаемся найти ответы на вопрос, что в конечном счете дает образование обществу. А вопрос очень важный. Как напомнил Александр Сергеевич, советская образовательная система была такой, что в 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник, а в 1961-м — пилотируемый космический корабль.

С точки зрения социолога, система образования выполняет две основные системные функции. Первая — трансляция знаний и профессиональных навыков, подготовка специалиста-профессионала. Вторая, которую система образования выполняет не напрямую, — распределение людей по социальным и экономическим позициям и тем самым размещение их на различных ступенях властной иерархии. Это происходит с помощью дипломов, сертификатов, ученых степеней и т. п. Таким образом, система образования неизбежно воспроизводит социальное неравенство. Известно, что представители привилегированных групп населения стараются обеспечить своим детям как можно более престижные и востребованные на рынке дипломы. В конечном счете система образования страны выполняет свою главную универсальную роль, которая помогает отвечать на современные социальные и экономические вызовы.

В начале 2000-х годов Всемирный банк выделил очень крупную сумму на реформу образования в России, чтобы молодые специалисты, получившие дипломы наших вузов, могли легче встраиваться в процессы глобализации. Но проблема в том, что два десятилетия после этого сама Россия была встроена в мировую экономику только как поставщик дешевых энергоре-

сурсов. Поэтому вся система образования с точки зрения социологии была направлена на то, чтобы решать эту задачу как можно успешнее. Например, введение ЕГЭ — это институциональный механизм, который изменил доступ школьной молодежи в вузы.

К тому же за эти 20 лет происходило все большее усиление социальной стратификации и высшего образования, и среднего. В начале 2010-х годов была поставлена цель — сделать нашу систему высшего образования конкурентоспособной на международном рынке образовательных услуг, чтобы, с одной стороны, дипломы российских вузов признавались на международном рынке труда, с другой — наши выпускники могли продолжать образование в зарубежных вузах. Но получилось так, что признавались дипломы лишь селективных вузов, то есть некоторого числа ведущих федеральных университетов (в 2020 г. в них обучалось лишь 18 % студентов) и так называемых опорных институтов — крупных региональных образовательных центров (10 % студентов в 2020 г.).

Когда вводили ЕГЭ, декларировалось, что он должен сделать более справедливым доступ в высшую школу для молодежи из разных регионов и социальных слоев. Но исследования, проведенные в 2006 году, показали, что социальное неравенство воспроизводилось уже на этом уровне, потому что более высокие баллы на ЕГЭ получали те, чьи родители могли позволить себе оплачивать услуги репетиторов. И среди девятиклассников, чьи успехи в течение года были примерно одинаковыми, более высокие баллы на экзаменах получают дети из семей с большим достатком.

В результате дети из малообеспеченных семей, осознавая свои небольшие шансы получить конкурентоспособную оценку на ЕГЭ, стали после 9-го класса уходить из школ в учреждения системы профессионального образования (СПО) и только после этого поступать в вузы, но уже на заочные отделения. Если в 2020 году 68 % девятиклассников переходили в 10-й класс, то сегодня таковых уже меньше половины. Напомню, что ЕГЭ вводился не сразу во всей стране, а по регионам. И было выявлено, что после того как регион начинает проводить ЕГЭ, через пару лет значительно снижается процент детей, которые идут в 10-й класс. В итоге на протяжении этих двух десятилетий среди поступающих в высшую школу на дневное отделение 87–89 % составляют вчерашние школьники, а среди заочников преобладают студенты из малоимущих семей.

Таким образом, получение качественного образования — и среднего, и высшего — во многом обусловлено социально-экономическими и культурными различиям семей. Из-за этого отбор в интеллектуальную элиту общества становится неэффективным, многие достойные ребята отсеиваются по не зависящим от них причинам. Элита общества самовоспроизводится и замыкается в себе, а ее представители недостаточно понимают проблемы, возникающие в других социальных стратах. В то же время дети из малоимущих семей, не имея доступа к качественному образованию, а значит, к высокооплачиваемым рабочим местам, постепенно теряют мотивацию, ценность культуры и об-

разования для них снижается. Так называемый массовый работник деградирует, интеллектуальное развитие не входит в его задачи, и он легко становится объектом манипуляций.

Что касается советского прошлого, то сегодня приходится слышать о нем много мифов — и одобрительных, и осуждающих. Но факт остается фактом: освоение космоса действительно стало возможным благодаря нашей системе образования, которая стремилась развивать способности каждого ребенка. Во всех слоях населения есть люди с очень высоким интеллектом и всевозможными талантами, но этот интеллектуальный потенциал нации во многом остается нереализованным. Поэтому преодоление социальных различий должно стать нашей стратегической целью. Мы должны изучать опыт советской школы и планомерно внедрять в образовательную систему то лучшее, что в ней было, но на современной технологической основе и с использованием новых возможностей.

Л. М. МОСОЛОВА: — Действительно, в советское время не было ЕГЭ, образование было доступно всем слоям населения. Школьники приезжали из сел в большие города и поступали в лучшие университеты, потому что во всех школах страны уровень подготовки был примерно одинаковым. Важно еще и то, что те, кто приезжал из регионов, как правило, возвращались туда работать — в отличие от нынешних элит.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Совершенно верно. Когда в начале 1970-х я была студенткой, больше половины нашего курса составляли ребята из других регионов. Поступить в МГУ было очень сложно, они проходили очень серьезный конкурс. Почему это было возможно? Потому что те школьники, чьи родители не были достаточно образованными людьми и не могли в достаточной степени приобщить их к культуре, воспитывались и развивались школой. Среднее образование не было «услугой», а формировало гармонично развитую личность.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Небольшое замечание об особенностях ЕГЭ. Психологи используют такую методику определения социального интеллекта, как тесты Гилфорда. Так вот, автор этой методики Джой Гилфорд выделил два типа мышления — конвергентное и дивергентное. Первое нацелено на поиск единственного варианта ответа на вопрос, как в математике (хотя и там не всегда). Обладатели второго типа мышления стараются найти несколько вариантов решения проблем. Задача образования — развитие дивергентного мышления, потому что перед исследователями всегда стоят творческие задачи, на которые редко имеется только один ответ. Творчество — это выстраивание оптимального. Однако ЕГЭ работает на формирование конвергентного мышления: ты должен дать тот ответ, которого от тебя ожидают. И это самый тяжелый камень, который брошен в нашу систему и тянет нас ко дну. Поэтому мы должны «перевернуть» эту ситуацию и вернуть цель развития дивергентного типа мышления. Как это было когда-то на приемных экзаменах:

мы оценивали не столько «правильность» рассуждений, сколько умение мыслить, развивать идеи.

А сейчас слушаем профессора Екатерину Александровну Александрову.

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА: — Мне хотелось бы продолжить затронутую Александром Сергеевичем тему воспитания в учебных заведениях. В настоящее время задачи воспитания выходят на первое место, коренным образом меняя всю систему профессионального образования. «Воспитание! Оно везде, куда ни пойдешь», — утверждал еще Виссарион Григорьевич Белинский. Очень современная мысль! Но собственно воспитательная работа в школах свелась к классным часам (которые уже превращаются в дополнительные уроки по предметам), в то время как в школе должна быть выстроена система, в которой каждую минуту формируется нравственная личность ученика. В основу ее должна быть положена эмоция, мотивация к деятельности — что-то познать, попытаться сделать своими руками и т. д. Традиции воспитания, которые были в советской школе, за три десятилетия фактически утрачены.

Кроме того, мы совершенно забыли такой действенный способ воспитания, как собственный пример. Можно читать множество разных источников, но рядом с учеником должен быть значимый другой, которому хочется подражать. Или, наоборот, хочется действовать противоположным образом. Воспитание средой — этот фактор тоже исчез из нашей культуры образования.

Во всех программах воспитательной работы — и в школах, и в вузах — указываются направления такой работы. Так вот, все они неизбежно включают эстетическое воспитание. Эстафеты «Веселые старты» проводятся в рамках, казалось бы, исключительно физкультурно-оздоровительного направления. Но если мы выведем ребят на природу, это позволит заняться еще и экологическим воспитанием (смотри не задави букашечку), и эстетическим. Можно обратить внимание детей на красоту природы, на чью-то красивую спортивную форму, выбрать хорошее музыкальное сопровождение. Направления воспитательной работы в программах — один из кризисных моментов. Академик РАО Наталия Леонидовна Селиванова, один из разработчиков теории воспитательных систем, предложила различные модули. Если это будет внедрено, проблема будет решена.

Настоящую беду я вижу в инфантилизации студентов. Если раньше школа шла в детский сад — раннее обучение, парты и прочее, то сейчас от этого отказались. Но теперь школа пришла в вузы! Торжественные линейки первого сентября, вероятно, имеют смысл — вовлечение ребят в жизнь вуза как организации и коллектива. Но родительские собрания, вызов в деканат родителей студента IV курса, который не сдал вовремя зачет, — этого я понять никак не могу. Правда, в моей практике был случай, когда я предложила вызывать мужа одной студентки, поскольку он в какой-то мере несет ответственность за ее поведение. Но экспансия средней школы в высшую в таком виде мешает взрос-

лению молодежи. Наше стремление создать в школе комфортную среду тоже внесло вклад в эту тенденцию. Мы забыли о том, что необходимо создавать ситуации преодоления для того, чтобы человек стал специалистом.

Еще одно важное наблюдение. Если раньше мы выбирали профессию, то, согласно совсем недавним исследованиям, сегодняшняя молодежь ориентируется даже не на сферу деятельности, а на образ жизни, а профессия в итоге выбирается такая, которая сможет обеспечить желаемые стандарты. Поэтому в вузы приходят студенты, для которых важнее не овладение специальностью, а те эмоции, ценности и смыслы, которые они могут получить в образовательной среде. Наша задача — настроить их так, чтобы они стремились стать профессионалами в выбранной области, а не ушли после первого семестра (хотя это тоже позитивный результат). Чем раньше состоится самоопределение, тем лучше будет результат.

В связи с этим пересматривается компетентностный подход. Возможно, мы должны сразу говорить студенту: посмотри, какие компетенции мы можем у тебя сформировать, нужны ли они тебе? Размасштабируй их, подумай, что тебе дает каждое занятие для каждой компетенции? Но это будет опять-таки означать дополнительную работу для педагога. Между тем сейчас на первый план выходит ситуативный подход, когда мы, исходя из той профессиональной или личностной проблемы, с которой сталкиваются наши студенты, начинаем выстраивать содержание образования по каждой дисциплине. В педагогической науке это называется «резонансный подход», и он подходит для сетевой личности. Когда я начинаю вести занятия, вижу образовательный запрос студента «здесь и сейчас» и начинаю из всего разнообразия содержания, независимо от логики учебной программы, «вытаскивать» нужный материал. Таким образом, моя задача как преподавателя — так построить общение со студентами в рамках отведенного времени на мой учебный курс, чтобы протянуть ниточку индивидуального и микрогруппового маршрута через весь курс. Как бы то ни было, мы приходим к выводу, что нашему образованию сейчас нужно сочетание традиций, фундаментализации нашего образования с возрождением воспитывающей функции образовательной среды. И для меня триада «среда, личность и профессионализм» неразделима.

В. С. САЙГАНОВА: — Екатерина Александровна, спасибо за то, что сказали об экспансии школы в университет. Действительно, у нас на факультете есть журнал учета, в котором фиксируются телефонные звонки родителям студентов с I по IV курс. Это делается на тот случай, если родитель напишет жалобу, что студента не обучают должным образом. Таким образом мы защищаем себя: демонстрируем, что работаем не только со студентами, но и с их родителями. Но почему так происходит? Возможно, дело в психологическом тренде последних лет, когда ребенок признается гиперценностью и в связи с этим возникают другие «гипер»: гиперзабота, гиперопека и т. п. Доходит до того, что и по-

сле получения диплома родители контролируют, как их сын или дочь справляется на работе. Как это изменить? И что тут может сделать система образования?

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА: — Думаю, все это происходит потому, что возраст молодости сдвигается все дальше: люди во все более старшем возрасте вступают в брак, позже становятся родителями и т. д. В нашей культуре это дает основания воспринимать уже взрослых людей как детей. В то же время ребенок превращается в подростка в более раннем возрасте, то есть юность человека значительно продлевается. Мы живем в интересную эпоху смещения границ психологического возраста. Думаю, что наши педагогические проблемы во многом обусловлены этим смещением.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Образование столкнулось с еще одной тенденцией — дистанционным обучением. Особенно ярко она проявилась во время пандемии коронавируса. При этом российская культура имеет некоторые особенности, которые могут способствовать или препятствовать применению онлайн-технологий в образовании. Например, наша культура высококонтекстная, то есть для нас важен невербальный контакт, поэтому при переходе в онлайн качество общения снижается. В то же время для культуры низкоконтекстной, например американской, такая потеря не происходит. Там культура общения основана на слове гораздо в большей степени, чем у нас — для нас всегда важнее человек.

О невербальной коммуникации в условиях онлайн-обучения расскажет профессор Лариса Александровна Даринская.

Л. А. ДАРИНСКАЯ: — Я спущусь на землю с философских и методологических высот и расскажу о практических проблемах дистанционного обучения. Сменяются исторические эпохи и технологии, но преподаватель и студент остаются. И когда во время пандемии нам пришлось осваивать онлайн-методы, это было сопряжено с рядом вызовов. Сетевая личность приобретает новые компетенции и жизненные смыслы, и преподаватель вынужден приспосабливаться, адаптироваться, меняться.

Во время пандемии мы столкнулись с тем, что китайским студентам приходилось прослушивать наши лекции повторно, иногда несколько раз. Почему? Они понимали смысл слов, но не меньшее значение для них имеет интонация. Скорее всего, это обусловлено спецификой их родного языка. В связи с этим возникает проблема риторической культуры преподавателя вуза, важной частью которой является невербальная коммуникация. Что это такое? Представьте, что мы слушаем лекцию на незнакомом иностранном языке. Мы не понимаем слов, но считываем жесты лектора, мимику, положение в пространстве, фонетические особенности. Соответственно так или иначе воспринимаем и его образ, и содержание лекции. Вообще, по наблюдениям психологов, в воспринимаемой нами информации лишь от 7 до 20 % составляет вербальная часть, остальное — «невербалика».

Мы провели небольшое исследование, опросив более 100 студентов из разных вузов, в основном петербургских. Ребятам задавали вопросы: осознают ли они факт невербальной коммуникации, придают ли ей значение, надо ли нам обращать внимание на это? Оказалось, что среди невербальных средств коммуникации больше всего внимания они обращают на мимику, жесты, голос, интонацию. 85 % опрошенных отметили, что невербальная коммуникация для них важна. Во время дистанционных занятий затруднения возникали лишь в тех случаях, когда преподаватель не включал камеру, не мог загрузить презентацию и т. п.

Среди преподавателей, принявших участие в исследовании, 80 % при подготовке к занятиям уделяют внимание невербальным аспектам — организации пространства, фона, своему внешнему виду. Когда мы читаем лекцию онлайн, то, как правило, воспроизводим свое поведение в аудитории. Мне, например, приходится контролировать себя, чтобы не сильно жестиковать перед камерой. Только 10 % преподавателей ответили, что не задумываются об этом. При этом преподаватели чаще отмечали, что сталкиваются с проблемами. Сложно читать лекцию, не видя слушателей, когда отсутствует обратная связь — реакция аудитории, зрительный контакт. Когда пытаешься предложить какой-то интерактив, даже самый простой, — задаешь вопрос студентам, то в ответ либо увидишь несколько сообщений в чате, либо прорвется чей-то одинокий голос. Понятно, что невозможно вывести на экран изображения или звуки с нескольких десятков камер. Другие проблемы — недостаток живого общения, вынужденная статичность позы преподавателя.

Вывод нашего исследования: главные компоненты невербального общения — мимика, жесты, голос, а для китайских студентов еще и интонация (причем на первом месте наряду с голосом). Чтобы вовлечение в образовательный процесс было максимальным и продуктивным, надо подумать об этих аспектах дистанционного обучения. У нас на факультете психологии разрабатываются тренинги; магистранты и аспиранты занимаются этими вопросами. Осознанное использование методов невербального воздействия способствует повышению речевой и риторической культуры преподавателя, а значит, и его общей и профессиональной культуры.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Приглашаю к микрофону профессора Клару Ивановну Шарафадину.

К. И. ШАРАФАДИНА: — Начну со статистики последних лет. Количество детей с ограниченными возможностями развития (ОВР) быстро растет. Если три года назад таких детей было около 7 %, то в 2022-м уже 10 %. В Петербурге таких детей стало больше на несколько тысяч, и это притом, что рождаемость сократилась.

Понятно, что система образования должна каким-то образом реагировать на такое положение дел. В связи с этим в свое время была предложена инклюзивная форма, когда дети с ОВР и нормотипичные (то есть те, чье развитие протекает в пределах норм,

определенных психологами) обучаются вместе, в одном классе.

Мы провели исследование совместно с московской коллегой, которая несколько лет жила в Германии и имела возможность изучать там проблемы инклюзивного образования. Опросы десятилетней давности показали, что большая часть населения узнавала об инклюзивном образовании от интервьюера ВЦИОМа. Проведенные в прошлом году повторные опросы продемонстрировали, что осведомленность людей увеличилась, но ненамного. Из опрошенных мною студентов-гуманитариев примерно треть ответили, что инклюзивное образование — это образование для всех, то есть доступное каждому гражданину. Возможно, за год, прошедший после этого опроса, их стало чуть больше.

Тем не менее в этой сфере ведется большая работа. Для детей с особыми потребностями открываются ресурсные классы, то есть классы со специально организованным образовательным пространством, которые создаются в обычной школе. Число учеников в них — пять-семь, не больше. К настоящему моменту открыто 25 таких классов, причем Ленинградская область в поддержке этой формы образования заметно опережает Петербург.

Я неслучайно занимаюсь этой проблемой. В моем окружении есть ребенок с ОВР, и многие студенты сказали, что им знакомы семьи с такими детьми. Тем не менее об инклюзивном образовании все еще знают немногие. Более того, как ни странно, родители детей с ОВР нередко выступают против совместного обучения. Это выявили новосибирские социальные психологи. Они разработали систему мер педагогических технологий включения родителей в партнерские отношения со школой. Потому что в идее инклюзивного образования очень важно участие родительского общества — от эмоционального включения до изучения и практического применения соответствующих методик.

В Петербурге есть фонд поддержки людей с аутизмом «Антон тут рядом», где для родителей и педагогов бесплатно проводятся вебинары по изучению эффективных европейских методик. Одна из таких методик — АВА-терапия (applied behavior analysis), направленная на формирование социальных навыков. Эта методика, как следует из ее названия, основана на всестороннем анализе поведения, и даже в моей педагогической деятельности ее инструменты оказываются полезны, хотя я работаю с нормотипичными студентами.

На кафедре журналистики СПбГУП уже не первый год большая часть работ, выполняемых студентами, имеет социальную направленность. Например, интересный интернет-проект был посвящен проблеме стигматизации людей с ментальными особенностями, и с помощью специалистов-психологов был создан сайт для их поддержки. В ближайшие дни на нашей кафедре будет защищаться (предзащита прошла успешно) проект «Все включены»; его автор — студентка, которая знакома с проблемой не понаслышке. Проект адресован родителям детей с особенностями развития и призван оказывать им информационную поддержку,

там есть и карта инклюзивных пространств в Петербурге. Это важно, потому что далеко не все знают о таких местах, даже их родственники. В качестве эксперта студентка пригласила родителей детей с ОВР, которые готовы стать активистами в деле объединения и помощи тем, кто в этом нуждается. Уже появились первые отклики от пользователей сайта: для них важна такая поддержка, когда они понимают, что не одиноки и есть люди, готовые помочь им справиться.

Н. Б. МОРОЗОВА, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП: — Вы совершенно обоснованно затронули проблему отношения родителей к инклюзивному образованию. Но дело не только в родителях. Я мама особого ребенка, и моя дочь участвует в танцевально-спортивном инклюзивном проекте, но мне все время приходится сталкиваться с сопротивлением администрации образовательного учреждения.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется Любови Михайловне Мосоловой.

Л. М. МОСОЛОВА: — Уважаемые коллеги, огромное спасибо всем участникам, но особенно тем, кто приехал на нашу конференцию из регионов. Знание, которым вы поделились, и высказанные идеи станут для всех нас капиталом, бесценным для разработки новых образовательных программ.

Скажу о проблеме, которая сегодня не была затронута: в последние 30 лет происходит грандиозная дифференциация знания. Например, собственно педагогических дисциплин раньше было две («История педагогики» и «Педагогика»), а сейчас уже больше десятка. Это не потому, что их раньше не было, — просто зачастую глава из учебника становится отдельной дисциплиной. Противоположная тенденция — генерализация знаний — при этом не отмечается. В свое время французский историк и культуролог Фернан Бродель говорил о том, что география спорит с историей, история — с социологией, и все говорят о границах, а не о том, что мы вместе должны сделать крупным планом. Мне кажется, сегодня требуется именно генерализация мышления.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Дистанционно выступит профессор Сергей Данилович Поляков (Ульяновск).

С. Д. ПОЛЯКОВ: — У меня две реплики. Первая. В 1980-х годах на кафедры возлагалась ответственность за экспертизу образовательных программ. Думаю, если вернуться к этой практике, многие из сегодняшних проблем нивелируются. Вторая реплика. То, о чем говорила Галина Анатольевна, для меня еще один миф о советской школе. Я ученик 1960-х годов, учитель 1970–1980-х и исследователь советской школы в 1990–2000-е годы, и у меня совершенно другие представления. В 1970–1980-е годы была очень острой проблема мотивации старшеклассников, так как многие из них проявляли стойкое нежелание учиться. Мне довелось тогда преподавать в разных школах — сельской, поселковой, столичной, ульяновской. Так вот, ни-

какой ориентации на дивергентное мышление в *массовой* школе не было, и даже ориентация на конвергентное мышление была очень слабая. Поэтому, когда мы говорим о советской школе, обобщения неправомерны. Школа в СССР была очень сложным явлением, во многом противоречивым.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Выступает профессор Марина Алексеевна Захарищева.

М. А. ЗАХАРИЩЕВА: — В разные исторические периоды в научный обиход вводятся те или иные понятия, а через некоторое время отдельные категории исчезают вместе с заключенными в них смыслами. С одной стороны, это можно признать закономерным и объективным процессом, с другой — интересно выяснить, от чего зависит появление и исчезновение аксиологического контекста педагогических понятий. Даже основные категории педагогики в одно и то же время могут наполняться несколько разным ценностным содержанием.

В первые десятилетия после революции 1917 года в советской педагогике самым распространенным понятием была ликвидация неграмотности, которое само оказалось ликвидированным в научном контексте вместе и одновременно с ликвидацией самой неграмотности.

Политика оказывала серьезное влияние на образование в целом, и на педагогическую терминологию в частности. Так, следуя завету создателей коммунистической теории «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», советское учительство достаточно удачно вело интернациональное воспитание пионеров. В стране действовали международные пионерские лагеря, а клубы интернациональной дружбы (КИДы) — в каждой школе. Такой подход воспитывал приоритет классовых ценностей над национальными.

Понятийный аппарат отечественной педагогики в 1990-х годах и первом десятилетии XXI века пережил стихийное, нерегулируемое вторжение иноязычных терминов, смысл которых был не всегда верно понят. После присоединения России к Болонской декларации особенно усилилась проблема англоязычных заимствований в терминологии отечественного образования. Насыщение академической речи иностранными словами стало ценностью само по себе, обнажив формальное отношение педагогов к научно-методической работе. Не всегда понятными по сей день остаются «коучи», «коворкинги», «тьюторы», «спикеры», «модераторы» — можно бесконечно продолжать этот список нелепостей, пробравшихся и в образовательную, и в научно-педагогическую жизнь.

Однако не следует думать, что система педагогических смыслов, как корабль без руля и ветрил, поддается всем стихиям без сопротивления. Это не так. Выкристаллизовались и утвердились в основных категориях педагогической науки так называемые вечные темы и ценности — нравственное, трудовое воспитание, забота о «рождении гражданина» и др.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Пожалуйста, профессор Марина Николаевна Ветчинова, Вам слово.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Выступающие сегодня коллеги обращают внимание на многие проблемы образования. Остановлюсь на трех:

- гуманитаризация образования как основа формирования ценностных ориентаций и культуры, то есть формирование человеческого в человеке;

- развитие информационных технологий;

- усиление естественно-научного образования, которое «отвечает» за технологии будущего.

Начну с информационных технологий. Уверена, что участники нашей секции согласятся со мной, что в настоящее время нашу жизнь можно охарактеризовать как жизнь онлайн, или онлайн-жизнь. Онлайн-общение через WhatsApp, Viber, Skype, социальные сети и тому подобное, покупки через онлайн-магазины и онлайн-аптеки, организация и проведение онлайн-конференций и мероприятий, онлайн-работа, онлайн-консультации с врачами и пр. Слово «онлайн» столь прочно вошло в жизнь благодаря стремительному развитию технологий, то есть прогрессу человеческой мысли.

Дистанционные технологии стремительно ворвались и в сферу образования. Во время пандемии COVID-19 они буквально спасли учебный процесс. Преподаватели и обучающиеся были вынуждены быстро осваивать работу на различных платформах, от которой мы не очень охотно отказывались, когда появилась возможность вернуться в аудиторию.

Дальнейшее развитие технологий невозможно без усиления естественно-научного образования, развитию которого в нашей стране уделяется огромное внимание: вузам выделяется все большее количество бюджетных мест, укрепляется их материально-техническая база. Порой естественно-научное образование начинается в средней школе, но поскольку для школы это слишком объемная задача, привлекаются промышленные предприятия, организации, университеты. В связи с этим стоит отметить работу профильных классов. Однако мы, на мой взгляд, незаслуженно забыли интересный опыт учебно-производственных комбинатов (УПК), которые успешно функционировали во времена СССР. Ученики 9-х и 10-х классов раз в неделю обучались профессиям, например пионервожатого, водителя автомобиля и т. д. Сегодня это могут быть другие профессии, востребованные на рынке труда.

Необходимо усилить формирование ценностных ориентаций молодого поколения, взяв за основу культуру. Изучению культуры посвятил свою жизнь Дмитрий Сергеевич Лихачев, понимавший, что настоящее и будущее страны зависят от уровня культуры каждого человека и всего общества. В идеях великого Лихачева содержатся ответы на многие вопросы, касающиеся формирования культуры и ценностных ориентаций человека. В его работах можно найти гениальные решения многих проблем, о которых говорят сегодня, но которые так и не нашли в достаточной мере реализации на практике. Лихачев отводил культуре первое место в становлении нравственности и духовности, расширении и обогащении «пространства совести». Сегодня, кстати, согласно некоторым исследованиям, слова «честь» и «совесть» исчезают из отечественного лексикона, что не может не вызывать тревогу.

Для воспитания культуры личности Дмитрий Сергеевич призывал изучать родную культуру и обязательно — культуру других наций, что важно для понимания людей с иным мировоззрением, иной точкой зрения. Но, согласно Лихачеву, понимание чужих убеждений не есть их принятие. Для него одним из самых удивительных и значительных свойств человеческого сознания является способность понять другую сущность, оставаясь вместе с тем отграниченным от нее. Поэтому первостепенной задачей академик считал воспитание у граждан интереса, любви и уважения к культурному наследию своего народа, к культуре других народов мира. И поэтому он был уверен, что должна быть создана культурная среда, в основу которой положены национальные культурные ценности, а также ценности, принадлежащие всему человечеству.

Наряду с формированием культуры и ценностных ориентаций подрастающего поколения необходимо усиление естественно-научного образования. Рациональное использование новых образовательных технологий должно стать приоритетом в развитии российского образования. Без комплексного подхода невозможно с оптимизмом смотреть в будущее.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Заключительное слово предоставляется Николаю Константиновичу Гарбовскому.

Н. К. ГАРБОВСКИЙ: — Уважаемые коллеги, мы затронули много интересных тем и важных вопросов. Недавно появившееся понятие «сетевая личность» позволяет описывать самые разные явления и действия в области сетевого образования, сетевого развития человека и т. д. То, о чем мы сегодня начали говорить, меняет наш взгляд на решение когнитивных задач.

Прозвучавшие упреки в адрес ЕГЭ во многом справедливы, мы много говорим об этом на разных площадках. Однако введение этого способа аттестации было призвано снизить коррупционность системы образования. ЕГЭ вызывает много вопросов с когнитивной точки зрения, но он был противопоставлен прежней

системе как средство искоренения коррупции на этапе перехода молодого человека от среднего образования к высшему.

Соглашусь с мнением, что в советской системе образования было много хорошего. Я сам и среднюю школу окончил, и высшее образование получил в советский период, и в целом являюсь продуктом советского образования. Но все ли было так уж хорошо? Давайте не забывать, как мы конспектировали работы Ленина, изучали документы съездов и пленумов КПСС и т. п. Сколько это отнимало времени у студентов! А в чем суть такой обязательной дисциплины, как «Научный коммунизм»? А «Политэкономию социализма»? На эти курсы отводилось огромное количество часов.

А запрет на науки? В 1950–1960-е годы были запрещены генетика, социология, структурная лингвистика, которой сейчас занимаются многие ученые. Мы часто идеализируем то, что идеализировать не нужно. В той системе было много хорошего, искреннего, но было и много того, что не стоит восстанавливать. Если мы хотим двигаться вперед, то не должны только оглядываться назад. Таким путем вряд ли можно будет куда-то прийти.

Хорошо, что участниками секции была затронута тема инклюзивного образования. Но инклюзия, на мой взгляд, это не только обучение детей с ограниченными возможностями развития — в России сейчас чрезвычайно важно говорить о культурной и лингвистической инклюзии. Учебные заведения в крупных городах ощущают эту проблему очень остро — и дошкольные учреждения, школы и вузы. В группе детского сада или школьном классе могут быть ученики, которые плохо говорят по-русски, а их мамы вообще ни слова не понимают. И мы должны найти приемлемый баланс, чтобы обеспечить всем равный доступ к образованию. Необходимо изучать эту проблему и искать способы ее решения.

Благодарю всех участников секции. Вопросы, которые мы обсудили, заставляют задуматься о том, что и как нам предстоит сделать на этапе перелома в судьбе нашего образования.